

Максим Осипов

РУССКИЙ И ЛИТЕРАТУРА

драма в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

КСЕНИЯ НИКОЛАЕВНА, хозяйка пельменной, глава местного законодательного собрания, мать Верочки

РУХШОНА (РОКСАНА) ИБРАГИМОВА, работница пельменной

УЧИТЕЛЬ (СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ), учитель русского языка и литературы

ВЕРОЧКА ЖИДКОВА, его ученица

ПАРИКМАХЕРША, другая его ученица

ОТЕЦ АЛЕКСАНДР, священник

ЕГОР САВВИЧ РУКОСУЕВ, судья

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ЦЫЦЫН, глава местного самоуправления

САВЕЦ, молодой сотрудник милиции

ЖИДКОВ, отец Верочки, бывший секретарь райкома

ПАХОМОВА, директор школы

ПАХОМОВА, заведующая пельменной

ПАХОМОВА, милиционер

ПАХОМОВА, секретарь Цыцына

ТАДЖИКИ, милиционеры

Действие происходит 7 марта 2006 года, накануне Международного женского дня, во второй день Великого поста, в месяц вынужденного переселения Пророка в Медину.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ПРОЛОГ

Учитель дома, один. Пишет, перечитывает написанное.

УЧИТЕЛЬ. Мне сорок лет... Мне сорок лет, и я хорошо себя чувствую. После сорока, однако, смерть не считается безвременной, а потому пора мне собраться с силами и оставить по себе запись. Я учитель русского языка и литературы, всю свою жизнь провел в этом городе. Здесь красиво невеселой среднерусской красотой. Если не видеть сделанного человеком, очень красиво...

Мысли неотвязные, недодуманные... Сорок лет. Слабеет вера в человека, а значит — и в Бога. Зачем все это, зачем? Будто сажу спиной к движению и смотрю в окно. А там — прошлое, только прошлое... Сорок лет — чем не повод разобраться с прошлым?

В комнату врываются музыка, неприятные голоса, крики «С наступающим!».

сцена первая
ПРАЗДНИК

За сценой и на сцене происходит веселье.

ПАХОМОВА. Перед завершением торжественного мероприятия, посвященного Международному женскому дню, позвольте мне поприветствовать нашу гостью, дорогую нашу Ксению Николаевну...

ВСЕ. С праздником! С праздником вас, Ксения Николаевна! С наступающим! Здоровья, счастья, благополучия! Исполнения желаний! С наступающим, Ксения Николаевна, с праздником! С женским днем! Счастья вам, Ксения Николаевна! Многих лет вам на благо города! Удачи вам, сил, любви!

Из толпы поздравляющих выступает Жидков.

ЖИДКОВ. Главное, Ксюх, здоровья!

КСЕНИЯ. Жидков! Опять из больницы сбежал!

ЖИДКОВ. В дом не пустишь? Что-то меня мурует.

КСЕНИЯ. Нет у меня ничего. Пост великий, слышал?

ЖИДКОВ (*пытается ее оцупать*). А ты, Ксюха, все в той же поре. Я бы зашел, поздравил...

КСЕНИЯ. Так, руки убрал! Люди смотрят!

ЖИДКОВ. Тоже мне, депутатская неприкосновенность. Зря ты меня, Ксения Николаевна, в больницу определила, вот что. Чесотка на меня напала какая-то, чешусь весь.

КСЕНИЯ. Зато в тепле, Жидков. И питание трехразовое.

ЖИДКОВ. Помнить надо, кто я! Ведь ты не за простым человеком была замужем! Уважать надо прошлое, уважать надо.

КСЕНИЯ. Домой тебя свезем к лету.

ЖИДКОВ. К лету? Мне б, Ксюх, дожить до вашего лета. Нет, летом, я уже, чувствую, с нашей Верочкой буду. Хоть коммунистам и не положено в подобные вещи...

КСЕНИЯ. Положено. Теперь всем положено. Коммунист... Страну какую не убергли!

ЖИДКОВ. Ты вон Верочку не уберегла!.. Страну!..

КСЕНИЯ. Помолчал бы про Верочку! Хоть сегодня, в праздник...

ЖИДКОВ. Верочка единственная ко мне по-человечески относилась. Она даже мне книжки читала.

КСЕНИЯ. Книжки, что за книжки?

ЖИДКОВ. Хорошие какие-то. Не помню уже. (*Внезапно.*) Пасеку у меня купи, а?

КСЕНИЯ. Да пошел ты со своей пасекой!

Жидков. Ксюх, может, по маленькой? В честь праздника? Помру ж скоро.

КСЕНИЯ. Давай, топай впельменную. Скажешь: по особому распоряжению.

Жидков (*уходит, бормоча*). Это мы любим, по особому распоряжению... Уважать надо прошлое...

Жидкова сменяет директор школы Пахомова.

ПАХОМОВА. Спасибо вам, Ксеничка Николаевна, что школу нашу не забываете. Всего вам самого-самого-самого! Прежде всего, простого вам женского счастья! (*Протягивает Ксении цветы и поздравительный адрес.*)

КСЕНИЯ. И тебе, Пахомова. И коллектив твой женский весь... (*замечает в папке листочки*) ...с праздником. Опять попрошайничаем, Пахомова?

ПАХОМОВА. Ой, что вы! Писания соседа вашего, в компьютере нашла, в учительской. Все ж грамотные стали, на компьютерах... Не надо, я считаю, где ни попадя...

КСЕНИЯ. Ознакомимся.

ПАХОМОВА. Только вы никому, Ксеничка Николаевна, у нас народ, сами знаете...

КСЕНИЯ (*читает*). «Мне сорок лет, и я хорошо себя чувствую...» Ознакомимся, Пахомова, ознакомимся.

сцена вторая ВЕРОЧКА

Учитель продолжает свой дневник.

УЧИТЕЛЬ. Я тут, наверное, навсегда. Тут родился, тут и умру. (*Показывает в окно.*) Буду во-он там похоронен. Прежде меня эта мысль угнетала, теперь — нет, не угнетает. Живется мне немножко одиноко, особенно зимой, когда рано темнеет и сразу лишаешься всего — реки, деревьев, даже соседских домов. Как всякий в моем положении, пробовал сочинять. Прочтут и обалдеют — вот истоки моего «творчества». Да и кто, собственно, обалдеет? Несколько учителей — вся наша городская интеллигенция. «Каков диаметр Земли? — спрашивает у ребят географ. — Не знаешь? Плохо. Земля — наша мать». Он повторяет эту шутку уже лет двадцать, но никто, включая учителей, не потрудились узнать диаметр Земли — зачем? — мы никуда не ездим, Земля нам не кажется круглой. А географ скоро умрет от рака: город маленький, тут всё про всех знают, особенно плохое.

Где-то в столицах диссертации защищают, книги издают, происходит что-то существенное, литераторы друг друга хлопают по физиономиям... А у нас — теплая, грязенькая жизнь. Народ наш совсем себя позабыл. Вот, например: никто не помнит телефонного кода нашего города — не даем мы свой номер никому за его пределами, нет нужды, не чувствуем себя частью целого. Будда, Сократ, Толстой, а вот я — житель такого-то городка, как-то так должно быть, по-моему. В глубины народного сознания и прочее верят теперь только дач-

ники, а местные — телевизор смотрят. Не от усталости — жизнь не тяжелая, легкая, не голодная. Надо чем-то занять себя, заполнить дыру внутри.

Это — взрослые. А дети... Недавно один деревенский мальчик сказал мечтательно: «Отслужу в армии, отсижу срок...» Мы обсуждали с ним будущее. Годы учения и странствий — так это называется? Вот мальчиков из первых моих выпусков почти что и нет в живых. Наркотики, коммерция, боевые действия — я огорчился сперва, а теперь, страшно сказать, устал жалеть их, привык. Девочки — те в основном уцелели. Девочкам — им и книжки интереснее, да и сами они хотят нравиться: я человек нестарый и несемейный, мы устраиваем литературные вечера — четверги, очень все целомудренно: чай, стихи, проза. Я люблю радоваться и радовать. И даже история с Верочкой Жидковой меня не расхолодила...

ВЕРОЧКА. Зачем «не» с глаголами всегда писать отдельно? Как удобно было бы — «нехочу», «нелюблю»!

УЧИТЕЛЬ. Вот первое, что от нее услышал. Как хороша была Верочка! Особенно в жесте, в движении — рук, головы, плеч — никакой угловатости, неловкости, никогда. Она у меня училась лет с четырнадцати и до выпуска.

ВЕРОЧКА. Хотела спросить... Вы знаете, кроме вас... Что кроме вас...

УЧИТЕЛЬ. Верочка, замолчи! Очень она ко мне тянулась. А я... Ну какая я Верочке пара? Это у тебя от чтения, Верочка. И лечится тоже — чтением.

ВЕРОЧКА. Я другое хотела спросить: раз запятые ставят по правилам, то, может, они вообще не нужны?

УЧИТЕЛЬ. Надо подумать, Верочка, надо подумать. Не умею я ответить на твои вопросы. Ты ведь не перестанешь приходить на чай?.. Конечно, она не перестала. Провинция, все запросто... Знаешь что, а поступай-ка ты, Верочка, на филфак! После того объяснения, почти бессловесного, мы и решили. А какие Верочка сочинения писала! Вот про Порфирия...

ВЕРОЧКА. Ведь спас он Раскольников, спас! Порфирий и Соня — справедливость и милосердие — два действия божества. Больше того, Порфирий явил себя человеком. Разве не удивительно, когда они оказываются людьми!

УЧИТЕЛЬ. Верочка, почему «они»?

ВЕРОЧКА. Конечно, они! Потому что они — другие.

УЧИТЕЛЬ. Не существует никаких они, Верочка, ты совершаешь нравственную ошибку!

ВЕРОЧКА. Порфирий, пристав следственных дел. Глаза с жидким блеском. Они, они! Мать хочет, чтоб я стала юристом!

УЧИТЕЛЬ. Ксения Николаевна, Верочкина мать, о филологии и слышать не хотела. Верочка, конечно, мать со мною не обсуждала.

ВЕРОЧКА. Мать — другая.

УЧИТЕЛЬ. А отец?

ВЕРОЧКА. Что — отец?

УЧИТЕЛЬ. Да, глупо было и спрашивать. Хотя я его часто видел: Ксения на родительские собрания посылала отца. Коммунист Жидков, так мы его называем. Был когда-то секретарем райкома. Стал болеть, пить, Ксения его выгнала, сделался серый какой-то, землистый весь, разговаривать было с ним невозможно. Вот так, не послушалась Верочка матери. Сразу в университет не пошла — проигрывать не любила.

ВЕРОЧКА. Не только поэтому. *(Зло.)* «Счастье — на обыкновенных путях». Знаем, слышали.

УЧИТЕЛЬ. Дочка начальников, к тому же единственная, — не привыкла она ни в чем получать отказ. В прежние времена из таких, как Верочка, образовывались эсерки, народоволки... А бывали у нас с ней минуты какого-то тихого счастья! Сидим, сочиняем что-нибудь... Одна строчка из одного стихотворения, другая — из другого.

ВЕРОЧКА. Центон называется.

УЧИТЕЛЬ. «Лицом к лицу лица не увидать...»

ВЕРОЧКА. «Бежит волна, волной волне хребет ломая...»

УЧИТЕЛЬ. «Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать...»

ВЕРОЧКА. «Как бы резвяся и играя!»

УЧИТЕЛЬ. Да, целый год готовились. Вот, Верочкино сочинение по «Грозе» — вообще лучшее, что я об этой пьесе читал.

ВЕРОЧКА. Про Катю Кабанову.

УЧИТЕЛЬ. И про Анну Каренину.

ВЕРОЧКА. И про несостоятельных, слабых мужчин.

УЧИТЕЛЬ. Тут Верочка угадала свою судьбу... Я мечтал для нее о Москве, а она выбрала Петербург. Ну чего в нем хорошего, Верочка? «Скука, холод и гранит». В Москве — жизнь!

ВЕРОЧКА. «Но ни на что не променяем пышный, / Гранитный город славы и беды!»

УЧИТЕЛЬ. И беды... Петербург для Верочки обернулся только бедой. Испорченные ленинградские мальчишки, жестокие, остроумные. Общежитие, квартиры, с кем-то она сходилась, с кем-то расставалась. Питерское культурное подполье — злые ребята! Письма скоро пошли какие-то не ее, не Верочкины. Ехала в Петербург за высокой культурой...

Появляется директор школы Пахомова.

ПАХОМОВА. Вечно Жидкова со своими фантазиями. Привыкла, что ни в чем ей отказа нет!

ВЕРОЧКА. Так уж ни в чем!

УЧИТЕЛЬ. Говорят, юность без бунта неполноценна, не знаю. У меня против мира взрослых никогда бунта не было.

ВЕРОЧКА. «Выйди на улицу, / Живи на Красной! / Покажи свободу / Гражданской злости!»

УЧИТЕЛЬ. Потом началось другое: помощь обиженным, обездоленным — таким, кому уже некуда больше идти. Среди них, наверное, разные типы есть. В основном, по-видимому, отрицательные.

ПАХОМОВА. В основном! Уголовники да бомжи.

ВЕРОЧКА. Идея была — обращать несчастных людей к прекрасному. К музыке, живописи, красоте. Ведь они были этого лишены — всю жизнь!

ПАХОМОВА. Дочка начальства плюс книжки — вот результат.

УЧИТЕЛЬ. Университет она бросила.

ПАХОМОВА. Сколько раз говорила ей: Жидкова, есть такое слово «надо»!

ВЕРОЧКА. А есть такое слово «нехочется»?

УЧИТЕЛЬ. Целиком занялась этими... Мармеладовыми. Что-то немислимое. Подумайте, разве могла она справиться? А потом ужасная история с одним из ее... как бы выразиться?.. подопечных. Видимо, и насилие было.

ПАХОМОВА. Значит, повод дала. Добрыми намерениями дорога сами знаете куда вымощена. По книжкам жить не научишься!

ВЕРОЧКА. И долой эту жизнь!

ПАХОМОВА. Чего там только не было в Питере вашем!

УЧИТЕЛЬ. Деталей — не хочу знать! На похороны я не попал: директриса наша, Пахомова, меня отправила в область.

ПАХОМОВА. На повышение квалификации.

УЧИТЕЛЬ. Жалела, наверное.

ПАХОМОВА. Жалела. По-своему. Хватит уже о Жидковой. Неблагоприятное стечение обстоятельств. Плюс характер. Не была б она дочерью уважаемой Ксении Николаевны, я бы сказала. Не зря батюшка отец Александр отпевать ее не хотел. Ни в чем вы не виноваты. Идите работайте.

УЧИТЕЛЬ. Как будто дело в «кто виноват»!

ПАХОМОВА. Девочки все влюбляются в учителей. *(Вдруг улыбается.)* Мне вот, пока за Пахомова не вышла, нравился географ наш. Как спросит: «Чему равняется диаметр Земли?» Работайте. Только поменьше фантазий, и давайте как-то... в рамках программы.

УЧИТЕЛЬ. А про отца Александра — правда. Не хотел он Верочку отпевать.

ПАХОМОВА. Самоубийство — большой, самый большой, страшный грех!

УЧИТЕЛЬ. Хуже насилия? Хуже убийства?

ПАХОМОВА. Потому что тут ропот, непослушание, восстание против промысла Божия. Такой грех, говорит наш батюшка, прощен не будет.

УЧИТЕЛЬ. С Александром Ксения справилась, отпели Верочку. Никому не нужна была ее смерть, никому. Три года уже, больше, как нет ее. Вспоминаю Верочку ежедневно, даже, может быть, ежечасно. Вот что: надо было мне жениться на ней, а потом отпускать в Петербург, хоть куда. Почему я не сделал этого?

сцена третья КРЕСТ

Ксения читает дневник Учителя.

КСЕНИЯ. Жениться?! Женилку отрастил? Чтоб ты лопнул! Слабак. Прости, Господи. Дочь отняли, страну развалили. Субчики-голубчики вроде тебя, умника, развалили. Была страна, была семья, дочь. Идеалы были. Чего-то боялись. Хорошо, не стало социализма, распалась страна. Другие появились... ориентиры. Мы же всё поняли правильно. По делам их узнаете их, кто сказал? Крестилась, дочь крестила, храм выстроить помогла. Дочь погибла. Ни дочери, ни страны. Вот награда. Не-е-т, понять невозможно. Задолжал мне Господь, крепко задолжал! Я-то свой долг знаю. И что? Вот и этот, малахольный, батюшка наш, Александр Третий, тоже... *(передразнивает)* «Сила моя в немощи совершается». Какая в немощи сила? Толком ни на один вопрос ответить не может, мямля. Верочку отпевать не хотел. Пришлось разрешение брать. Я-то свой долг знаю: обещала храм восстановить — сделала. И дальше делать буду. И не жду гарантий. *(Опять переключает внимание на соседа.)* «Хорошо себя чувствую...» Знаешь что, голубчик, а давай-ка мы тебя немножко подвинем! Построим что-нибудь для людей, а? Часовню. Часовенку построим! А то — стихи, проза... Разберемся еще, кто тебе прозу твою заказывает. И с заказчиками разберемся. *(Громко, в пространство.)* Ну что, открыли уже? Всё одна, всё самой... Сил нет тащить, а надо. И город, и дом, и бизнес. Долг. Крест.

сцена четвертая БИЗНЕС

Пельменная. В зале за столиком завтракает Жидков. Посреди пельменной стоят растерянные таджики. Заведующая пельменной Пахомова уговаривает их разойтись.

ПАХОМОВА. Идите давайте, хозяйка придет — худо будет.

Входит Ксения.

КСЕНИЯ. Так, что у нас происходит?

ПАХОМОВА. Денег им подавай, Ксения Николаевна. Испытательный срок, понимаешь ты, кончился.

КСЕНИЯ. Всё. Собрали манатки и гуд бай. Нарекания к вам есть, понятно? Жилье, питание, тебе вот *(одному из таджиков)* вообще «скорую» вызывали. А работы мы вашей не дождались. Всё, топайте, брысь! Пахомова, проводи.

Таджики уходят. Ксения улыбается пришедшей в голову шутке.

Таджики у нас, как пельмени: с истекающим сроком годности. Одноразовые. Не хотели жить в великой стране, ну и... ауфвидерзеен. Праздник вроде, а на душе как-то... Обосрал мне сосед праздничное настроение.

Пахомова, выпроводив таджиков, возвращается.

ПАХОМОВА. Там батюшка наш, отец Александр. Говорит: с просьбой.

КСЕНИЯ. Кстати-то как! Зови!

Осторожно входит отец Александр, в обычной одежде, без знаков священства.

ЖИДКОВ. О, явление Христа народу! Александр Третий! Здорово, святой отец!

о. АЛЕКСАНДР *(не обращая на Жидкова внимания)*. С началом вас, Ксения Николаевна, Великого поста! Крепости вам духовных и телесных сил.

ЖИДКОВ. Слушай, святой отец, тебе пасека не нужна? Нет? Да чей ты отец-то?

Пахомова пытается урезонить Жидкова.

КСЕНИЯ. Всеобщий. Всеобщий отец. Беда мне с ним, батюшка.

о. АЛЕКСАНДР *(механически)*. Помогите, Господь. *(Серьезно.)* Всеобщий отец у нас один, Ксения Николаевна.

КСЕНИЯ. Может, покушаете, батюшка? У нас и постное есть.

о. АЛЕКСАНДР. Благодарю вас, Ксения Николаевна, я на службу.

КСЕНИЯ. Слушаю вас, батюшка.

о. АЛЕКСАНДР. Я к вам с просьбицей.

КСЕНИЯ. Слушаю вас, батюшка, слушаю.

о. АЛЕКСАНДР. Нам бы работников, Ксения Николаевна, понадежнее. Те, которых вы дали, покинули нас, ушли. А нам к Страстной седмице все бы окончить.

КСЕНИЯ. Работники для святого дела найдутся. Пахомова, догони! Давай молодцов обратно.

о. АЛЕКСАНДР. Спаси, Господи, Ксения Николаевна.

КСЕНИЯ. Во славу Божию, отец Александр, во славу Божию. Не выскажете ли еще каких просьбиц?

о. АЛЕКСАНДР. Ох, Ксения Николаевна, выскажу! Вы простите мое дерзновение — нам колокола бы приобрести, а? Весна, деревья цветут, воздух прозрачный и колокола, далеко по реке слышно...

КСЕНИЯ. С колоколами придется повременить. Городу необходима часовня.

о. АЛЕКСАНДР. Часовня? Куда нам часовня? И так в храме народ не собирается.

КСЕНИЯ. Нужна, батюшка, часовня, нужна. В честь вашего небесного покровителя часовенку назовем, желаете? Прямо тут воздвигнем, рядышком, во-от тут. *(Указывает на дом Учителя.)*

о. АЛЕКСАНДР. Но тут же... человек живет.

КСЕНИЯ. Так ведь он враг нашей веры, батюшка, нашего города. Чужой он человек нам, батюшка, враг!

О. АЛЕКСАНДР *(снова механически)*. Молитесь за врагов ваших, сказано.

КСЕНИЯ. Молюсь я, каждый вечер молюсь. Верочку он мою погубил. А то не знаете. Опять мне — к архиерею? Благословите, батюшка, на труды. А человеку жильё дадим. Муниципальное. Куда ему одному столько? У вас вот — разве есть такой дом? Вы ведь скромно живете? Я план часовенки-то занесу. Спаси, Господи!

О. Александр ошарашено благословляет Ксению и уходит.

КСЕНИЯ. Молитесь за врагов... Молюсь я, молюсь.

Рухшона собирает тарелки.

Жидков *(Рухшоне)*. Знаешь, кем я был в советское время? Думаешь, колхозником каким-нибудь задрипанным? Или работягой? Не-е-т. Секретарь райкома! *(Потрясает кулаком.)* Город вот так держал! Были проблемы, с дорогами, с водоснабжением, были. Но мы их решали. Чего молчишь? Нерусская что ли? Дочка моя таких, как ты, жалела.

КСЕНИЯ. Жидков, доедать будешь?

Жидков *(указывая на Рухшону)*. Нет, ей оставлю. Шучу. *(Вновь обращается к Рухшоне.)* А ты ничего... У нас в партийной школе много училось нацкадров. Весело жили! *(Подмигивает в сторону Ксении.)* Ей не говори. Тебя бы там мигом к делу пристроили. Поняла?

Рухшона поворачивается, чтобы уйти.

КСЕНИЯ. Так, Жидков, доел, допил и в больницу!

Жидков *(жеманясь)*. Не говори мне про больницу! Сразу чешется все. *(Рухшоне.)* Эй, ты куда пошла? *(Пытается взять ее за руку.)* Спинку мне почечи.

Рухшона быстро дергается, у нее вырываются горлом несколько звуков. Жидков опрокидывает пиво, выбегает из пельменной. Рухшона принимается за ним убирать.

КСЕНИЯ. Коммунисты, вперед! *(Смотрит на Рухшону с интересом.)* А ничего-о... С характером.

ПАХОМОВА. Меньше недели у нас, Ксения Николаевна. Хороший работник. Только молчит.

КСЕНИЯ. Все верно, работать надо. *(Рухшоне.)* Как зовут тебя, красавица?

РУХШОНА. Роксана. По-вашему — Роксана.

КСЕНИЯ. Роксана, Роксана... Что за имя? Верочка бы сказала.

ПАХОМОВА. Тут одна, дачница. Такая... с хвостом.

КСЕНИЯ. С хвостом, Пахомова?

ПАХОМОВА. Искала ее. Русскому языку, говорит, ребенка учит.

КСЕНИЯ. Кто, эта? Русскому? Дачники наши совсем уже *(крутит пальцем у виска)* съехали. Может, взяла у нее чего?

ПАХОМОВА. Не-е, я спросила. Ушла от них, Ксения Николаевна, говорит, а мы ее, говорит, и не обижали.

КСЕНИЯ. Ладно. Дачники, одно слово. Чего они в такое время тут делают? На ледоход приехали полюбоваться? Красиво живут. А река стоит... Русскому языку! Это — вот что — буду платить ей. Пускай работает.

(Рухшоне.) Значит, так. Поживешь за кухней, в тепле. Платить тебе буду, андерстенд? Слушай теперь меня. С мая по сентябрь у нас дачники, в остальное время — попроще народец, свои. Восточная еда. Шурпа там, самса, сейчас вон — постное меню. Но основа — пельмени, с оптового рынка. Если с истекающим сроком годности, дешево отдают. Ну, это не твоя печаль. *(Ощупывает меню.)* Меню все захватанные, менять надо. Листочки переложить справишься?

Рухшона смотрит внимательно, едва кивает.

Что за имя у тебя — «Роксана»?

РУХШОНА. Жена Македонского.

КСЕНИЯ. Какого еще Македонского?

РУХШОНА. Александра.

КСЕНИЯ. Ах, Александра Македонского! Ну давай, старайся, мужа себе, может, найдешь, Македонского. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Поняла? *(Пробует засмеяться и тут же под взглядом Рухшоны затихает.)* Не надо смотреть так! *(Делает движение уйти, но останавливается.)* С праздником тебя, Роксаночка!

Рухшона не отвечается.

сцена пятая СОЧИНЕНИЕ

Учитель продолжает свой дневник.

УЧИТЕЛЬ. Власть у нас — Паша, Ксения и судья. Втроем весь город и прихватили. Нервные, некрасивые люди. Нервные — оттого, что власть им досталась хищением. Паша-дурачок — когда-то выборный, только давно не проводят у нас никаких выборов, главу назначают теперь депутаты. Но он принят, естественно, принят, кто у нас не был принят? Коммунист Жидков, теперь Паша Цыцын, и каждый раз: может, этот дороги сделает? А судья — он просто самый богатый, фамилия забавная у него — Рукосуев, половина земель вокруг города — рукосуевские, вот такая история. Но судья-то как раз, говорят, человек не злой. Вот Ксения... Духовный вождь, очень набожна.

ВЕРОЧКА. Как вы не понимаете? Мать другая, они все — другие.

УЧИТЕЛЬ. Может, и правда — другие? Существуют же дети, которые кошек мучают. Но в сущности — что мне начальство? Свет светит, вода течет. Не всегда, с перебоями, но течет. А как уж у них там устроено... Ладно, всё не о том. Чего я тогда испугался?

ВЕРОЧКА. Любви?..

УЧИТЕЛЬ. И сопряженных с любовью страданий.

ВЕРОЧКА. Ревности, что ли? Смешно.

УЧИТЕЛЬ. Жизнь наша здесь, конечно, была бы невысказана.

ВЕРОЧКА. Вместе бы и уехали.

УЧИТЕЛЬ. Может быть, я не любил ее, а? Может, я вообще — не умею чувствовать? Разве годился я Верочке? Я и старше, и... ученица.

ВЕРОЧКА. Фор-ма-лизм.

УЧИТЕЛЬ. А тот год, последний, был таким особенным! Вот, незадолго до Верочкиного отъезда сидели мы с ней на веранде и писали для одной моей выпускницы... Как ее звали?

Входит Парикмахерша, готовится писать.

ВЕРОЧКА. Младше на класс, не помню.

УЧИТЕЛЬ. Писали вступительное сочинение...

ВЕРОЧКА. В какой-то бессмысленный вуз.

УЧИТЕЛЬ. Не важничай, Верочка.

ВЕРОЧКА. Берут всех подряд, темы известны заранее.

ПАРИКМАХЕРША (*объявляет тему сочинения*). «В чем причина того, что отношения между Онегиным и Татьяной сложились столь нелепо трагически?»

УЧИТЕЛЬ (*диктует*). Отношения между Онегиным и Татьяной образуют главную сюжетную линию романа. Эти отношения завязываются в третьей главе, когда Онегин впервые попадает к Лариным.

ВЕРОЧКА (*тоже диктует*). Татьяна живет в провинциальной глуши. Особенность здешнего существования в том, что тут нет настоящих жизненных впечатлений, особенно у женщин.

УЧИТЕЛЬ. Так и написали: «особенность» — «особенно»?

ВЕРОЧКА. Да, потому что спешили. У людей с душой развивается иллюзорный мир. «Татьяна в тишине лесов / Одна с опасной книгой бродит, / Она в ней ищет и находит / Свой тайный жар, свои мечты...»

УЧИТЕЛЬ. Все от чтения, Верочка, все от чтения.

ВЕРОЧКА. Вы говорили. И лечится тоже — чтением.

УЧИТЕЛЬ. «Пора пришла, она влюбилась». «Душа ждала... кого-нибудь».

ВЕРОЧКА. «И дождалась...»

УЧИТЕЛЬ. Заметим, что влюбленность возникла у героини после первой же встречи с избранником.

ВЕРОЧКА. Заметим также, что героиня в своих чувствах не ошиблась — до конца. «Я вас люблю, к чему лукавить?» Онегин же все взвесил и рассудил. «Я вас люблю любовью брата».

Верочка выбегает.

УЧИТЕЛЬ. Верочка, ты куда? «Тоска любви Татьяну гонит, / И в сад идет она грустить...»

Верочка возвращается.

Что ты, Верочка?

ВЕРОЧКА. Невыносимо. Чуть не наткнулась на мать.

УЧИТЕЛЬ. Быть откровенной с домашними Татьяна не может. «Она в семье своей родной / Казалась девочкой чужой».

ВЕРОЧКА. Влюбленность еще сильнее гонит Татьяну из дому.

УЧИТЕЛЬ. Но не Онегин же вырвал ее из привычного круга!

ВЕРОЧКА. Ее — не Онегин. Он «очень мило поступил с печальной Таней».

УЧИТЕЛЬ. А к моменту, когда понял, что любит, ничего уже было не исправить, не изменить.

Пауза.

ПАРИКМАХЕРША. Чего замолчали? Еще, пожалуйста.

УЧИТЕЛЬ. И как же, Верочка, он должен был знать, что так будет?

ВЕРОЧКА. Вот, должен был. Должен. И всё.

УЧИТЕЛЬ. Онегин развитей, опытней, старше... Нет, не развитей, только старше. Да, должен был. Пора переписывать набело.

ПАРИКМАХЕРША. А вывод? Вывод какой?

УЧИТЕЛЬ. Вывод? Что жить научиться нельзя. Живым надо быть, а я был — хорошим. От этого и получилось все — как там? — нелепо трагически.

сцена шестая АДМИНИСТРАЦИЯ

Приемная главы местного самоуправления. Секретарь Пахомова отвечает на звонки.

ПАХОМОВА. Что? Повисите, пожалуйста. *(В другой телефон.)* Конечно, Павел Андреевич всегда чем-то занят. Я вам наберу, до свидания.

Входит Ксения.

КСЕНИЯ. Павел Андреевич на месте?

ПАХОМОВА. На месте он, на месте, для вас, Ксеничка Николаевна, всегда на месте! Не были еще в новой парикмахерской? *(Кричит, уже уходя.)* С наступающим!

КСЕНИЯ. Взаимно, взаимно, Пахомова.

Показывается Цыцын. Насупившись, он подписывает поздравительные открытки.

КСЕНИЯ. И не лень, Паландреич? Не бережешь ты себя, дорогой мой человек. Сгоришь, трудоголик.

Цыцын вдруг встает, оглядывает Ксению, обнимает ее, толкает вглубь комнаты.

Цыцын. Пойдем, Ксения Николаевна, кино про меня посмотрим.

КСЕНИЯ. Кино? Какое кино?

Цыцын. Увидишь, Ксения Николаевна, интересное.

КСЕНИЯ. Ты что творишь, Паша?

Цыцын. Ухаживаю.

КСЕНИЯ. Сдурел, да? Девочек мало в городе? Вон у меня таджичка есть. Ух! Такая, знаешь, м-м-м! Пашенька, ты б заглянул к нам впельменную!

Цыцын. Мне теперь статус нужен. *(Опять наваливается на Ксению.)*

КСЕНИЯ. Статус! Ладно, будет тебе — статус!

Вскоре Ксения, хохоча, выскакивает на середину комнаты, поправляет одежду.

КСЕНИЯ. Где тебя учили ухаживать, Паша?

Цыцын. Где-где... В Караганде. В училище танковом. Женщины любят силу.

КСЕНИЯ. Так, Павел Андреевич. Пошептаться нам надо.

Цыцын *(принимает государственный вид)*. Давай, Ксения Николаевна, порешаем вопросы.

КСЕНИЯ. Городу необходима часовня.

Цыцын. Допустим.

КСЕНИЯ. Планы с духовной властью, считай, согласованы. Дело за малым: земля.

Цыцын. Предложения?

КСЕНИЯ. У меня вон — сосед, на пятнадцати сотках жирует. Практически в центре города.

Цыцын. Учитель, что ли? А он ничего вроде. Кристишка моя у него. Живет, говорит, как, это... как птичка.

КСЕНИЯ. Ага, птичка. Небесная. Хорошо себя чувствует.

Цыцын. И потом — государственная программа: духовное возрождение, славянская письменность, как там?

КСЕНИЯ. С каких пор мы стали интересоваться письменностью, Павел? Муниципальное жилье дадим твоей птичке.

Цыцын. Не вижу, Ксения Николаевна, этой, логистики.

КСЕНИЯ. До тебя, Паландреич, доходит, как до жирафа.

Цыцын. Да, я простой человек.

КСЕНИЯ. Знаем, знаем. Офицер, внук солдата. За жирафа обиделся? Да тебе любое сравнение с жирафом... Поговори с кем надо. Помнишь, на той неделе...

Цыцын. Извини меня, Ксения Николаевна, та неделя — это та неделя, а эта неделя — это эта неделя.

КСЕНИЯ. Ты где такого набрался, Паша?

Цыцын. В области.

КСЕНИЯ. Ну да, ты теперь в области бываешь... Надеялась, ты мужчина. Край какой-то. Тупик. Хоть знаешь, что такое часовня? Думаешь, время узнавать?

Цыцын. Лучше боулинг. Боулинг, я считаю, более востребован.

КСЕНИЯ. Да пошел ты со своим боулингом! Паша, ты ведь теперь человек государственный!

Цыцын. Государство, Ксения Николаевна, — понятие относительное.

КСЕНИЯ *(с внезапным вдохновением)*. А у него знаешь, какие дела творятся? *(Что-то шепчет Цыцыну на ухо.)* Вот так. Чирикает птичка. Почирикает, почирикает и нагадит. Гнездо разврата свила твоя птичка. За дочь не страшно? Хочешь, чтобы она... Чтоб и она?.. *(Достает платок, подносит к глазам.)*

Цыцын. Ладно, разберемся с этим чмо. Разрулим ситуацию. Готовь решение! Только чтобы все по закону!

КСЕНИЯ. По закону, Пашенька, по закону. Когда у нас было — не по закону?

Цыцын *(достает рюмки и коньяк, наливает)*. Давай по маленькой, Ксения Николаевна, с наступающим. Здоровья тебе, сил, удачи! Офицеры пьют стоя. «На поле танки грохотали, / Солдаты шли в последний бой...»

КСЕНИЯ. Господи, блин, достал.

сцена седьмая РЕКА

Берег замерзшей реки. Учитель и о. Александр улыбаются друг другу, не могут начать разговор. Из окна школы слышатся звуки застолья.

УЧИТЕЛЬ. Ночи теплые, а лед стоит.

о. АЛЕКСАНДР. Пришли ледоход посмотреть?

УЧИТЕЛЬ. А у вас уже служба закончилась? Народ был?

о. АЛЕКСАНДР. Нет, ни одного человека...

УЧИТЕЛЬ. «Ключ ржавый поверну в затворе / И в алом от зари притворе / Свою обедню отслужу».

О. АЛЕКСАНДР. Это что?

УЧИТЕЛЬ. «Возмездие», Блок.

Пауза. О. Александр пожимает плечами. Видно, его что-то мучает.

О. АЛЕКСАНДР. Я... вероятно... не имею права... Хотя тут не то чтобы тайна исповеди. (*Испугавшись.*) Тайну исповеди я никогда не нарушу. Но среди наших прихожан разные люди, знаете, есть. Вы... осторожнее.

УЧИТЕЛЬ. Отец Александр, вы хотите меня предупредить? Насчет соседки? Знаю, знаю я! Не любит она меня, да и не за что! Но ведь и мне ее любить трудно. Более того, совершенно не получается! И еще больше: я даже не уверен, что хочу, чтобы получалось! И все равно — спасибо!

О. АЛЕКСАНДР. Будто исповедался вам. А там уж, конечно, как Господь управит.

УЧИТЕЛЬ. Господь управит... А думаете, Он — правит?

О. Александр пожимает плечами, слабо улыбается.

Зачем тогда вы... мы... к Нему обращаемся?

О. АЛЕКСАНДР. Но ведь это же... так естественно.

УЧИТЕЛЬ. А вон и Ксения Николаевна идет! Во-он, видите, у суда.

О. Александр пугается и отворачивается.

Что вы, отец Александр! Они совершенно не ведают, что творят! Ой, простите!.. Не бойтесь вы их! То есть все мы, конечно, боимся...

О. АЛЕКСАНДР (*почти с неприязнью*). Да вы, мне кажется, ничего не боитесь!

УЧИТЕЛЬ. Боюсь. И их боюсь, и многого, очень часто хорошего даже, боюсь... И смерти...

О. АЛЕКСАНДР. Душа боится смерти... Нет, смерти бояться не надо. Мы должны ждать ее — как юноша ждет невесту. Ждать, что откроется дверь...

УЧИТЕЛЬ. Не получается, нет.

О. АЛЕКСАНДР. Вы гордый... А были бы не такой гордый, поговорили бы с Павлом Андреевичем. Вы же, мне кажется, отроковицу Христину, дочь его, учите.

УЧИТЕЛЬ. Ого, батюшка, вам и это известно!

О. АЛЕКСАНДР. Приходится, сами понимаете, с людьми... Мы же от них зависим. Ксения Николаевна откуда идет? Из администрации, от Павла Андреевича. И вы бы сходили, поговорили о его дочери и... заодно... так. А куда идет Ксения Николаевна? В суд. Зачем она в суд направляется?

УЧИТЕЛЬ. Не знаю, отец Александр, не знаю.

О. АЛЕКСАНДР. Жалко. Ведь вы образованный человек, должны понимать, как что устроено, знать... всякие механизмы.

УЧИТЕЛЬ. Отец Александр, может, и существуют какие-то механизмы, но, в самом деле, я их не знаю и... предпочел бы не знать. Не буду я ни в чем разби-

раться, вы уж простите. И начальство наше... Вероятно, они неплохие люди, по-своему, но — другие.

О. АЛЕКСАНДР. Другие?! Нет никаких других! Люди слабые, грешные, от них же первый есмь аз. Но хотят быть хорошими, полагать о себе хорошо. Надо войти и в их положение. *(Внезапно.)* Дом ваш могут разрушить.

УЧИТЕЛЬ. Нет, что вы! Не такие они злодеи. Но если и правда — дом, то... нет, не пойду! Простите.

О. АЛЕКСАНДР. Я — что?.. Но вам-то ведь нужен дом.

УЧИТЕЛЬ. Дом? Да. Я люблю свой дом. И все равно — нет.

Большая неловкая пауза.

О. АЛЕКСАНДР. Скажите, а отчего река не замерзает целиком, почему подо льдом вода?

УЧИТЕЛЬ. А вот это интересно! Дело в том, что в отличие от других веществ вода имеет наибольшую плотность не в точке замерзания, не при нуле, да? а при плюс четырех. И поэтому, когда вода остывает до нуля, то она не спускается вниз. Сверху образуется лед, а под ним остается вода, и в ней можно жить. Вот такое чудесное свойство. А иначе реки бы полностью промерзли, и жизнь бы в них прекратилась.

О. АЛЕКСАНДР. Чудо... Речка, небо... солнышко... они пребудут. А это *(показывает рукой на город)* пройдет. Все пройдет, перемелется. И мы, и все остальное... До меня в нашем храме служили два иерея Александра, и после меня будут еще Александры, Иоанны, Николаи, Тихоны... Ох, работники ждут. *(Уходит.)*

УЧИТЕЛЬ. Симпатичный, в сущности, человек. Испуганный какой-то. Пройдет, перемелется... Вот, значит, как. Ждать смерти, как ждешь невесты? Не получается, нет.

Смириться, сделать вид, что привык? Мирись, мирись, мизинчик... Условия мира слишком уж тяжелы: нате, подпишите капитуляцию. Говорят, Бог смерти не создавал, запретный плод, все такое, страшно и вообразить, как бы мы жили, не будь ее. Что же, Верочка просто стала жертвой миропорядка, во имя этого умерла?

А какие у нее были живые руки! Ни у кого нету таких живых рук! Географ сегодня вдруг спрашивает: «Помните Жидкову? Всегда ведь мешала вести урок. А недавно вспомнил ее, подумал: как-то Верочки не хватает. Представляете, — говорит, — соскучился!» Верочка...

сцена восьмая

СУД

Зал суда. Два таджика, за ними присматривают милиционеры Пахомова и Саевец.

КСЕНИЯ. Если о чем и жалею, то вот, что не стала судьей. Когда приговор: все стоят, судья зачитывает — хорошо. Только что напечатал, и — вжик — три,

пять, десять лет. Слово становится делом, обретает плоть! *(Таджикам.)* А, красавцы! Похудели вы без Ксении Николаевны. Ничего, на казенном отъедитесь.

Выходит Рукоусев в судейском облачении, потягивается.

РУКОСУЕВ. Будем процесс начинать? Привет, Ксюш. *(Таджикам.)* Давайте, ребята, айн-цвай.

Рукоусев то ли кивает, то ли мелко трясет головой.

КСЕНИЯ. Егор Саввич, ты чего головой трясешь?

РУКОСУЕВ. Не тот стал Егор Саввич. В область ездил, обследовался. Томографию сделали. «Атрофия головного мозга». Стихи, сказали, учи. Укрепляй память.

КСЕНИЯ. Не рассказывай никому. А ты точно... облез. Никак, сглазили? *(Обсматривает его.)* Чешуйки какие-то. Что ты, Егорушка? Точно, сглазили. Чего злодеи-то натворили?

РУКОСУЕВ. А... Ничего. Отобрали у пацана телефон. Пацанов было, правда, несколько, но заявление только от одного взяли. Да и этих, похоже, больше было.

КСЕНИЯ. В жизни иначе все, не так стройно. Тем и хорош суд.

РУКОСУЕВ. Кому нужны потерпевшие, которых в процесс не вытянешь? И лишние таджики... Вот уж, преступная нация.

КСЕНИЯ. Не скажи, Егор, не скажи! Таджики тоже бывают разные. У меня такая есть, ух!

ПАХОМОВА. Встать, суд идет!

РУКОСУЕВ *(без паузы)*. Прошу садиться. Объявляется к слушанию дело по обвинению Ну-*(запинается)*-джона Шох-зук...нова и Фат-ху... Подсудимые, встаньте.

САВЕЦ. Встань! Подымайся давай!

КСЕНИЯ. Красиво служит Егор, музыкально...

Рукоусев разъясняет подсудимым их права.

РУКОСУЕВ *(читает, обпевая одну ноту, как псаломщик)*. Вы можете защищаться самостоятельно или с помощью своего защитника *(вдох)* отказаться от выбранного вами защитника в любой момент судебного разбирательства *(вдох)* знать в чем вас обвиняют свои объяснения по существу предъявленного обвинения представлять суду доказательства *(вдох)* задавать вопросы друг другу потерпевшему и свидетелям заявлять ходатайства *(вдох)* обжаловать действия суда заявлять отводы если в ходе судебного разбирательства... *(потерял, быстро находит)* обжаловать приговор суда давать показания по существу обвинения или отказаться от дачи показаний не будет влиять и на возможность воспользоваться *(замедляя)* разъясненными вам *(нараспев)* права-а-ми.

КСЕНИЯ. ...Александр Третьему поучиться, каждую службу на два часа развозит. Егор хороший судья. Отмен у него не бывает. Как я не стала юристом? Верочку вот хотела...

РУКОСУЕВ. Согласны ли вы с предъявленными вам обвинениями?

САЕВЕЦ. Встань! Отвечай суду!

Первый таджик встает, согласно кивает.

КСЕНИЯ (*Пахомовой*). Понимает, о чем его спрашивают?

ПАХОМОВА. Школу не надо прогуливать.

КСЕНИЯ. Да, такую страну развалили!

РУКОСУЕВ. Шарил у подсудимого по карманам? Чем шарил-то?

Первый таджик показывает: руками.

Руками? Правильно. Чем еще можно шарить?

САЕВЕЦ. Ваша честь, первый подсудимый с обвинениями согласен, вину признает полностью, в содеянном раскаивается.

РУКОСУЕВ. Так, а по второму что?

ПАХОМОВА. Обращайся к судье «Ваша честь».

ВТОРОЙ ТАДЖИК. Мы, ваша честь, сидели с Виталиком...

РУКОСУЕВ. С каким еще Виталиком?!

ВТОРОЙ ТАДЖИК. ...Кушали «Роллтон».

РУКОСУЕВ (*внезапно выйдя из летаргии*). Рекламная пауза! (*Ксении.*) Слышала? В каждом процессе такое что-нибудь!.. (*Всем.*) Суд удаляется на совещание.

КСЕНИЯ. Год и три. То есть, наоборот, три и год.

РУКОСУЕВ. Угадала, всегда угадывала. (*Громко.*) Всем встать. Оглашается приговор.

КСЕНИЯ. Центральный момент. Обо всем забываю. Зачем сюда шла, забываю. Люблю суд!..

РУКОСУЕВ. Рассмотрев все обстоятельства дела в открытом судебном процессе, суд признал подсудимых Ну-(*запинается*)-джона Шох-зук...нова и Фат-ху... (*Закашливается, издает странные звуки, бьет молотком по столу.*) Увести!.. Увести осужденных!

Саевец и Пахомова уводят таджиков.

КСЕНИЯ. Да. Не тот стал Егор.

Рукосуев достает рюмки, коньяк.

РУКОСУЕВ. С праздничком тебя, Ксюша, будем говорить, с женским днем! Тостуемый пьет до дна.

Выпивают.

КСЕНИЯ. Второй день поста... Будет, что рассказать на исповеди.

РУКОСУЕВ. Соскучился я за тобой, Ксюш. Помнишь, как раньше? Угадай, кого сейчас будут иметь?

КСЕНИЯ. Что ты, Егор? У тебя же там всё...

РУКОСУЕВ. А, может, у меня сексуальный всплеск? По-настоящему, Ксюш, я всю жизнь любил одну женщину. Пугачеву Аллу Борисовну. За эту бабу... За эту бабу я невинного человека убить готов! И в тебе ценил и ценю голос. Превыше всего. Споем?

КСЕНИЯ. Споем, Егор Саввич, споем. Позже.

РУКОСУЕВ. Ну, ты чего? Тем более — в женский день.

КСЕНИЯ. Егор, ты Верочку мою помнишь?

Рукосуев испуганно смотрит на Ксению.

Кто ее сбил с пути — представление имеешь?

РУКОСУЕВ. Учитель что ли? Ладно тебе, с какого пути? Сама говорила: ничего у них не было.

КСЕНИЯ. Именно что, учитель. И учил бы. А то — литературные четверги, стихи, проза...

РУКОСУЕВ. Ксюш, да при чем тут?.. Верочка ведь, ты извини, всегда была у тебя какая-то не такая. Ладно бы только папашу своего недоделанного жалела. Так ведь всех подряд несчастненьких. Помнишь, бомжа с улицы притащила?

КСЕНИЯ. Это она еще ребенком была.

РУКОСУЕВ. А учителя брось. Скучно тебе, ты и маешься. Он, говорят, ничего. Вон, у Паши дочка, как ее? Нормальная девчонка, между прочим, не красится. Успокойся, Ксюш. Все перемелется, время лечит.

КСЕНИЯ. Теперь меня послушай, Егор. Чужой человек у нас в городе. Враг — не враг, но вообще-то враг. Или кто-то использует ситуацию. Бумаги пишет твой учитель, будьте-нате. Хочешь, дам почитать?

РУКОСУЕВ (*отмахивается*). Ладно...

КСЕНИЯ. Земля им твоя приглянулась.

РУКОСУЕВ (*очень активно вдруг*). Земля?! Кому?!

КСЕНИЯ. Кому-кому... Чужие люди пришли в наш дом, Егорушка. Чужие люди!

РУКОСУЕВ. Ксения, запомни: всякий, кто замахивается на нашу... эту... короче, ты поняла, получит... по заслугам! Мы с тобой, наши, будем говорить, отцы, деды землю эту отстояли от немцев, от французов, от этих... от поляков!

КСЕНИЯ. Тише, Егорушка, тише. Вредно тебе волноваться.

РУКОСУЕВ. Ксения Николаевна, если ты что-то такое чувствуешь, — доверь свой своему сердцу.

КСЕНИЯ. Вот и Паша сказал: готовь решение.

РУКОСУЕВ. Сделаем решение, Ксюша! Оформим, как надо, по закону, не переживай!

КСЕНИЯ. Смелый ты, Егор Саввич, ух... Смелый. С ними поосторожней надо: вон что со страной сделали!

РУКОСУЕВ. Повторяю: всякий кто замахивается на нашу на эту, на государственность...

КСЕНИЯ. Успокойся, Егорушка. Вот, поделилась, и легче стало. Бери гитару! Петь будем!

РУКОСУЕВ. Спой эту... «Куда они там все запропастились...»

Ксения кивает, улыбается, поет, подражая Пугачевой: «Уж сколько их упало в эту бездну...» Рукосуев ей аккомпанирует. Ксения допевает до конца: «Послушайте! Еще меня любите за то, что я умру». Рукосуев трогает струны, грустит.

РУКОСУЕВ. Я, Ксюш, тоже о смерти начал задумываться. Птички две желтенькие утром сегодня в окно залетели. Плохая примета, к покойнику. Выпустил их. Боюсь...

КСЕНИЯ. Желтенькие? Это ничего, к деньгам.

РУКОСУЕВ. Ты верующая, тебе легче... А меня в церковь... не-ет... не тянет. Нас как воспитывали? Что после смерти нет ничего, ничего нет! А теперь — первые лица даже... Крестятся. Ну, поклоны не бьют...

КСЕНИЯ. Не хватало еще!

РУКОСУЕВ. Но вот ты, допустим, о чем Бога просишь?

КСЕНИЯ. О чем положено, о том и прошу.

РУКОСУЕВ. А, предположим, точно вот было бы, что Бог есть. Чего попросишь?

КСЕНИЯ. Верочку не вернешь. Страну тоже. Чтоб мне годиков двадцать—тридцать скинул, наверное. Ладно, давай за все хорошее.

Пьют.

РУКОСУЕВ. Стих. Козырный. О том же самом, но по-мужски. Лучше. «Да, все мы смертны, хоть не по нутру / Мне эта истина, страшней которой нету, / Но в час положенный и я, как все, умру, / И память обо мне сотрет святая Лета». Пронзительно. О главном. «Мы бренны в этом мире под луной: / Жизнь — только миг (и точка с запятой); / Жизнь — только миг; небытие — навеки. / Та-та-та-та-там, что-то там такой, / Живут и исчезают человеки». Как в воду глядел товарищ.

КСЕНИЯ. Заморочил ты мне голову, Егор! Чье? Твое?

РУКОСУЕВ. Даже ты не угадаешь. Андропов это. Юрий Владимирович. Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза!

КСЕНИЯ (*захмелела, плачет*). У тебя, Егор, дети, внуки... А я одна-одинешенька! Всегда так, если выпить в пост.

Стук в дверь. Не дожидаясь ответа, врывается Жидков.

ЖИДКОВ. ЧП, Ксюха, ЧП!

КСЕНИЯ. Та-а-ак! Эт-то еще что?! Не поняла! Жидков!

Жидков (*видя ее слезы*). Уже знаешь?

КСЕНИЯ. Кто пустил тебя?! Ну-ка!

Жидков. ЧП, Ксюха. Труп в больницу привезли. Убийство. Цыцына убили! У тебя, между прочим, в пельменной!

РУКОСУЕВ (*почти радостно*). А ты говоришь: птички — к деньгам!

КСЕНИЯ. Жидков, а ты... не пьяный?

Жидков. Да какой пьяный! Теракт, Ксюха, теракт. Телевизор смотришь? Теракт!!!

конец первого действия

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

сцена девятая ДОЗНАНИЕ

Отделение милиции. Саевец слушает радио, скучает. Входит Рухшона с пакетом.

РУХШОНА. Я должна сделать заявление. Дайте бумагу и ручку.

САЕВЕЦ. Девушка, это отделение милиции, а не «Канцтовары».

РУХШОНА. Дайте бумагу и ручку.

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ. Пошли баб поздравлять.

САЕВЕЦ. Иду. Как же... достали. (*Рухшоне.*) Что б вам завтра не прийти?!

РУХШОНА. Завтра?

САЕВЕЦ. А завтра не я дежурю. (*Дает Рухшоне бумагу и ручку.*) Излагайте.

РУХШОНА (*начинает писать*). Вы не могли бы выключить радиоприемник?

Саевец делает тише.

Совсем выключите, пожалуйста.

Саевец выключает радио, Рухшона дописывает заявление, отдает ему. Пока Саевец читает, Рухшона вытаскивает обернутый в газету нож, кладет его на стол.

САЕВЕЦ. Так, мною, такой-то, тогда-то... так-так... в городской пельменной... что-о? был убит кухонным ножом неизвестный мне мужчина средних лет, который пытался меня изнасиловать. Посидите. (*Выбегает, возвращается.*) Посидите тут. Не волнуйтесь. Не надо нервничать. (*Снова выбегает.*)

В отделении переполох: бегают милиционеры, слышно, как отъезжает автомобиль. Саевец возвращается. В дверях становится милиционер Пахомова.

САЕВЕЦ. Будем знакомиться. Саевец, сотрудник районного отдела внутренних дел. Можете пригласить своего адвоката.

РУХШОНА. Адвоката у меня пока нет.

САЕВЕЦ. Это была шутка. Фамилия?

РУХШОНА. Ибрагимова Рухшона.

САЕВЕЦ. Где родились?

РУХШОНА. Ленинабад, ныне Худжанд.

САЕВЕЦ. Образование?

РУХШОНА. Высшее.

САЕВЕЦ (*Пахомовой*). Твою мать, а?! (*Рухшоне*.) Что заканчивали?

РУХШОНА. Филологический факультет Московского государственного университета.

САЕВЕЦ. Обязан разъяснить вам статью пятьдесят первую Конституции.

РУХШОНА. Она мне известна.

САЕВЕЦ. Привлекались?

РУХШОНА. Нет. Читала.

САЕВЕЦ. Конституцию?! (*Делает приглашающий жест.*)

РУХШОНА. «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом. Второе. Федеральным законом...»

САЕВЕЦ. Хватит. Во, память!.. Видели его раньше?

РУХШОНА. Не видела и имени не знаю. Пришел около двух часов назад. Выпил пива.

САЕВЕЦ. Помимо вас двоих кто-нибудь еще присутствовал?

РУХШОНА. Нет. Выпил пива и предложил мне... физическую близость.

Саевец делает нетерпеливое движение рукой.

...Получил отказ.

САЕВЕЦ. Резкий?

РУХШОНА. Резкий.

САЕВЕЦ. А то бывает... такой отказ, когда вроде отказ... а потом... Короче... Поняли меня? Женщины любят силу.

РУХШОНА. Я люблю силу. Но тут была не сила.

САЕВЕЦ. Ладно, это лирика. Как говорится, ближе к телу.

РУХШОНА. Мужчина встал и направился ко мне, я перешла на кухню.

САЕВЕЦ. Зачем?

РУХШОНА. Инстинктивно, я полагаю. Это не было продуманным решением.

САЕВЕЦ. Где лежал нож, помните? Сколько нанесли ударов, куда?

РУХШОНА. Где лежал нож, помню, сколько нанесла ударов — нет.

САЕВЕЦ. Где же хорошая память?

РУХШОНА. Хорошая — на другое.

САЕВЕЦ. Хотели его убить?

РУХШОНА. Хотела, чтобы его не стало. Каким угодно образом.

САЕВЕЦ. Так. Потом?

РУХШОНА. Помылась под раковиной.

САЕВЕЦ. Зря. Мылись — зря.

РУХШОНА. Трудно, знаете, удержаться.

САЕВЕЦ. Дальше.

РУХШОНА. Погасила свет, заперла дверь.

САЕВЕЦ. Очень... хладнокровно все сделали. То есть я вам верю...

РУХШОНА. Благодарю вас.

САЕВЕЦ. А почему не работаете по специальности?

РУХШОНА. Не вижу, как это относится к делу.

САЕВЕЦ. Раньше работали?

РУХШОНА. В университете в Худжанде. Русская литература, недолго.

САЕВЕЦ. Да кому она там нужна? Там же эти одни...

РУХШОНА. Не нужна. Вы совершенно правы. Она вообще не нужна.

САЕВЕЦ. Всё?

РУХШОНА. Еще в семьях, с детьми. Если считать это работой по специальности.

САЕВЕЦ. Как оказались у нас?

РУХШОНА. Приехала за чужими детьми присматривать.

САЕВЕЦ. Почему бросили?

РУХШОНА. На то есть свои причины.

САЕВЕЦ. Хотели жить, как братья по крови?

РУХШОНА. Именно. Как братья. И сестры.

САЕВЕЦ. Сёстры. Филфак! Ладно, ясно все в принципе. Уродов развелось... *(Жестом отпускает Пахомову, сочувственно смотрит на Рухшону.)* Вся родня — там?

РУХШОНА *(отрицательно мотает головой)*. Маму брат перевез в Китай.

САЕВЕЦ. В чего он в Китае делает?

РУХШОНА. Не знаю. Торгует. Резиной, кажется.

САЕВЕЦ. У китайцев, я считаю, достойная резина.

РУХШОНА. Да, да. «Вы этого достойны». А отца убили. Просто, на улице. Война. В первый год — сто тысяч убитыми.

САЕВЕЦ. Война?

РУХШОНА. «Вовчики». «Юрчики». До сих пор.

САЕВЕЦ. Кто такие?

РУХШОНА. «Вовчики» — ваххабиты. По-простому — «вовчики».

САЕВЕЦ. А эти, другие?

РУХШОНА. «Юрчики»? Коммунисты. Хотя естественней именно коммунистам зваться «вовчиками», не находите? *(Саевец не понял шутки.)* Но вот — «юрчики». По имени, представьте себе, Юрия Андропова.

САЕВЕЦ. Андропова? Ах, ну да. Черт, охренеть. «Юрчики», «вовчики».

РУХШОНА. А чего мы ждем, собственно?

САЕВЕЦ. Да ничего, оформим сейчас. Под подписку. Вы не волнуйтесь, главное.

Слышны голоса, хлопанье дверей. Саевец выходит в коридор, потом возвращается, занимает свое место. В дверях опять становится Пахомова.

САЕВЕЦ. Ибрагимова! Должен до вас довести, что убитый вами гражданин является Павлом Андреевичем Цыцыным, главой местного самоуправления.

РУХШОНА. Это ничего не меняет.

САЕВЕЦ. То есть?

РУХШОНА. То есть он обыкновенный насильник. Кем бы ни был еще при жизни.

САЕВЕЦ. Спокойно, спокойно... Мы расследуем убийство законно избранного главы местного самоуправления. Что это значит, не мне вам объяснять, Конституцию вы читали.

РУХШОНА. Происшедшее было не убийством, а обороной.

САЕВЕЦ *(усмехаясь, Пахомовой)*. Нормальная оборона. Шесть ножевых: в живот, в лицо, в пах, а у ней ни царапины.

ПАХОМОВА. Весь праздник насмарку из-за одной...

САЕВЕЦ. Сожалеете о содеянном?

РУХШОНА. Бессмысленный вопрос, у меня не было другого выхода.

Саевец обходит Рухшону кругом, пристально смотрит ей в глаза.

САЕВЕЦ. А полюбовно договориться — не могла?

Рухшона встает, у нее вырываются те же звуки, что и утром. Саевец отшатывается.

САЕВЕЦ. Голова от вас кругом идет. Пусть в области разбираются.

Стук в дверь.

ГОЛОС. Давай, закругляйся по Ибрагимовой — и туда!

САВЕЦ *(пишет, старательно)*. На почве вне-зап-но возник-ших не-при-яз-нен-ных отношений. *(Подвигает Рухшоне протокол.)* С моих слов записано верно, мною прочитано, замечаний не имею.

РУХШОНА. Этого я подписывать не буду. Орфографию поправить? Шутка.

сцена десятая
ПОДВИГ

Ксения, Рукосуев и Жидков подходят к пельменной. Их встречают Саевец и Пахомова.

КСЕНИЯ. Ужас, Господи, ужас какой!

РУКОСУЕВ. Вроде цело все. Что это за теракт? Видали мы теракты... по телевизору.

КСЕНИЯ. Погоди! *(Саевцу.)* Чем они его?

Саевец изображает удар ножом.

Почему сразу не известила, Пахомова?

Пахомова что-то тихо говорит Ксении.

Сноху ходила поздравить? С тобой еще разберемся. Саевец, стой. Где? Где все было?

САВЕЦ. На кухне, Ксения Николаевна.

КСЕНИЯ. На кухне? Что Паша делал на кухне? А Роксана где? Где Роксана моя?!

САВЕЦ. Кто? Ибрагимова? В изоляторе. Завтра — в область.

КСЕНИЯ. Что-о-о? Это — она??? Господи! Ясно теперь. Паша за девочкой поухаживал. А она-то! Вот это да-а! Где, где она?

САВЕЦ. Я ж говорю, Ибрагимова у нас переночует. Завтра в область.

РУКОСУЕВ. Ксень, а чучмеки твои сегодня ударно потрудились.

КСЕНИЯ. Егорушка, миленький, какая область, зачем область?

РУКОСУЕВ. Глава местного самоуправления, не кролик. Пресса, то да сё. Охота приключений искать? Мне — нет.

КСЕНИЯ. Сто пятая, часть первая, ее ты судить должен.

РУКОСУЕВ. Тут, будем говорить, сто пятая, часть вторая. С особой жестокостью, раз. На почве национальной ненависти — кто его знает? — два. Теперь с этим строго.

КСЕНИЯ. Скажи еще: при выполнении долга!

РУКОСУЕВ. Часть вторая, от восьми до двадцати, в область. Ну, двадцать не двадцать, а на десяточку потянет.

КСЕНИЯ. Извини меня, Егорушка, но за Пашу, извини меня, да? за Пашу Цыцына, за эту, прости меня, шелупонь — десять лет?! Побойся Бога, Егорушка! Я тебе завтра сто таких паш найду. Вы с ним товарищи были, конечно, но, изви-

ни, нервы у меня не железные, а у Паши нашего где совесть была, там, как говорится, хрен вырос! Где этот дознаватель херов? *(Саевцу.)* Дай сюда, что ты написал! Что за «ссора на фоне внезапно возникших...»?! Что ты понять мог, урод?! Она и говорить-то толком не умеет! Пиши давай: «при попытке изнасилования». Где ее подпись? Нету?! Всё, филькина грамота! Засунь себе...

САВЕЦ. Извините, Ксения Николаевна, вы, конечно же, уважаемая личность...

Ксения опускается на землю. Ей дают что-то нюхать.

РУКОСУЕВ *(в телефон)*. Плохо человеку! Да нет, да при чем тут... Давай сюда свою, блядь, медицину!

САВЕЦ. Неприятно, конечно, стресс.

РУКОСУЕВ. Крови, крови-то... Мужики, вы свинью когда-нибудь резали?.. А это... Чтобы в первый раз и за нож, это редко. По нашей практике... Ну, топором там... а ножом трудно убить человека. Вызывает, конечно, определенное... Красивый бабец?

САВЕЦ. Егор Саввич, чего там красивого? Чурка и чурка.

РУКОСУЕВ. Паландреич-то, а?.. Думал, Бога за яйца держит, в область брали.

САВЕЦ. Ага, ногами вперед.

РУКОСУЕВ. Ну, в общем. Дозалупался Паша. Родственникам сообщили?

Ксения приходит в себя. Остальные потихоньку удаляются.

КСЕНИЯ. Я нормально... Идите, идите. Егор, ты тоже иди. *(Собирается с мыслями.)* Нет, но Роксана! Это да-а... Сила. Поступок. Ну, как сказать? — взять и решить вопрос. Ведь подвиг! Я всю жизнь что-то... договариваюсь, выгадываю, кручусь, с этими... А тут — р-р-раз! — Получил?.. Даже не то что. А просто — раз! И решен вопрос. Одна. Обалдеть. Какая... Какую тайну... Ведь это ж во всем должно быть... А взгляд? Ибрагимова... Да-а... Роксана. Роксана, Ксана — тезки почти! Но я все какими-то... ти-ти-ти. Шажочки такие. А тут... раз! Тут не то что Александр Македонский... Не знаю... Может, действительно — Македонский?

Ксения спохватывается, вытаскивает сумку, бросает в нее одежду, еду.

Яблочек вот покушать, колбаски, йогурты вот, паштеттики, рыбка красная... Что она любит? Бедная! Их там не кормят совсем. Разве так можно с людьми? Деточка, сейчас, секундочку... Какой еще Македонский? Да не нужен нам никакой Македонский!

сцена одиннадцатая КАМЕНЬ

Рухшона в камере одна.

РУХШОНА. Почему, почему это мне? Значит, так было надо. Узнаю. Скоро узнаю. Или же — не узнаю. Вот ведь — жалко себя. На все Его воля. Быть благодарной. Покорно принять. Всё, всё...

«Жизнь пуста, безумна и бездонна! / Выходи на битву, старый рок!» Никак не отвыкну. Стихи, филология... Мертвые слова. Куда они завели? На что я употребила память?! На русских поэтов! Далекое, разлюбленные родственники. Бедные! Жизнь-то пошла не по-вашему. Смотрите, какие у вас детки выросли. Обертки, пустышечки, фантики. Полые, без души.

Вот один, сладенького захотел. «Все нам хочется сладкого, вкусного...» Хозяин жизни, глава. Распоряжался, хозяин, приказывал. А она тебя — раз! И вовсе ты ей — не хозяин. Так, приживалка.

Молитва, работа, молчание. Вот чего я искала. Безмолвного труда. Одиночества. Чтобы одну наконец оставили...

Столько лет, безголовая девочка, восторгаться Платоновым, воздушными замками из пустоты! Как могло это нравиться? Платонов! Мечты о прекрасном и яростном мире! Растроганная радость при виде паровоза! Без ума была. Преодоление смерти. О, самой смерти! Как будто мы ее выдумали.

Есть Он — Безначальный, Предвечный, Непознаваемый, Он — Дающий жизнь и Умерщвляющий, и есть ничтожные — мы. Много нас, способных почти исключительно на плохое. Прах, пыль на ветру. Не нужен, никто не нужен. И всюду... В нас и кругом... Смерть. Все боятся... Боятся несчастья. А смерть неизбежна. Неизбежна, и, значит, естественна. Одолеть ее невозможно. И не надо одолевать смерть.

Ксения с вещами стоит перед дверью в камеру. С ней милиционер Пахомова.

ПАХОМОВА. Пустим, пустим, Ксения Николаевна, как вам отказать?! Буду нужна — стучите.

Рухшона поднимается с нар, Ксения бухается перед ней на пол.

РУХШОНА. Ксения Николаевна, встаньте-ка, обойдемся без Достоевского. Всегда ненавидела Достоевского. Даже когда других любила. Подымайтесь, вы что это, выпимши?

КСЕНИЯ. Господи, прямо чудо какое-то, заговорила! Ясно, шок. Нет худа без добра. Не молчи, не молчи, деточка, вот покушать тебе принесла! А ты как хорошо, оказывается, разговариваешь на русском!

РУХШОНА (*рассматривает содержимое сумки*). Благодарю вас. Русский язык — мой родной. Колбасу заберите, я не ем колбасы.

КСЕНИЯ. Так у нас пост.

РУХШОНА. Работникам отдадите.

КСЕНИЯ. А они тоже, небось, колбасы не кушают.

РУХШОНА. Эти всё кушают. Им закон не писан.

КСЕНИЯ. Закон, какой закон, Роксана? Роксаночка, говори мне «ты», мы ж не чужие с тобой? Ой, ты тут такое сделала!

РУХШОНА. Вы-то понимаете, что с этим вашим...

КСЕНИЯ. Цыцыным. Да конечно! Ты такое дело сделала. И одна! Ты какие-то тайны знаешь, наверное. Все взяла в свои руки! Суд, наказание!

РУХШОНА. Я — лишь орудие, меч. Суд — у Него *(смотрит вверх)*.

КСЕНИЯ. Да ладно! Не замечала я, чтобы Он *(тоже смотрит вверх, с иронией)* особенно интересовался. И при чем тут?.. У каждого своя вера, ты в своего Бога веруешь, мы в своего, давай о серьезных делах, практических.

РУХШОНА *(со злым интересом)*. Своя вера?

КСЕНИЯ. У нас православная вера, народная. Мы святых почитаем, угодников, различные праздники...

РУХШОНА. Народная вера? Ах, народная! И кому же вы поклоняетесь, во что верите? В Николая-угодника? В Царя-искупителя? В женский день? Язычество, ширк!

КСЕНИЯ. Опять ты так смотришь? Я ж не сама. На все получаю благословение.

РУХШОНА. Знаю я эту... систему. Часто отказывают? «Все мне позволительно, но не все полезно». Как прикажете действовать по такой инструкции?! Вот и бежит по улице за матерью с топором, голый, а на шее крест болтается, сама видела.

КСЕНИЯ. Правда, бывают такие случаи.

РУХШОНА. «И истина сделает вас свободными». Сделала. От чего? Свобода — что это? Своеволие? Самовольство? Или это ваше... местное самоуправление? Нет никакой свободы, есть миссия, предназначение, а наше дело — понять, в чем оно.

КСЕНИЯ. И как, поняла?

РУХШОНА. Да. Я знаю, зачем пришла в мир и что меня ждет после смерти. Никаких там: «у Бога обитателей много». Их две. Рай и ад.

КСЕНИЯ. Да-а... Это вам не Александр Третий, здесь ответы так уж ответы! Но это пока еще так... философия. *(Рухшоне.)* Вот, послушай. Дочка у меня была, Верочка. Хорошая была девочка. Работников моих жалела...

РУХШОНА. Мы не собаки, не кошечки, чтобы нас жалеть. Платить работникам надо. Так что твоя Верочка? Книжки любила, наверное?

КСЕНИЯ. Книжки любила, маму не слушала. Красивая была девочка. Одиннадцать классов закончила, золотая медаль... Хотела дать ей профессию. А она начиталась, наслушалась всяких умников и уехала от меня. Писателем решила стать или не знаю... ученым, филологом... и уехала, и пропала там. Но плохого-то никому не делала. Так за что Он ее?.. За что Он ее... умертвил?

РУХШОНА. За своеволие. Любой грех простится, любой, но за ослушание, за своеволие — смерть. И ад.

КСЕНИЯ *(плачет)*. Вот первая правда про Верочку. И последняя... И все-таки жалко ее, ужасно жалко!

РУХШОНА. По-человечески жалко. Но по-Божески — непослушание влечет за собой возмездие. Как пальцы в розетку — убьет.

КСЕНИЯ. А помолиться, помолиться как-нибудь?

РУХШОНА. Нет, никого из ада не вымолишь. Каждый отвечает самостоятельно. Я ведь тоже сочинения писала. И тоже была золотая медаль. И на филфаке училась. И, между прочим, закончила. Диплом у меня был по Платонову.

КСЕНИЯ. Не знаю такого.

РУХШОНА. И правильно. Что его знать?.. А потом пришли эти полые люди...

КСЕНИЯ. Подлые?

РУХШОНА. Полые, пустые. Распалась страна.

КСЕНИЯ. А почему, почему?

РУХШОНА. Что — почему?

КСЕНИЯ. Почему распалась такая страна?

РУХШОНА. На Запад засмотрелись, поэтому. На лукавый Запад. Изменили предназначению. Как сказать? Не читать же стихи.

КСЕНИЯ. Почему? Давай. Никогда не могла запомнить.

РУХШОНА. Я и рада забыть. *(Читает с нажимом.)* «Но тот, кто двигал, управляя / Марионетками всех стран, / Тот знал, что делал, насылая / Гуманистический туман. / Там, в сером и гнилом тумане, / Увяла плоть, и дух погас...» Понятно теперь, почему все разъялось, рассыпалось?

КСЕНИЯ. Это кто, Андропов?

РУХШОНА. Андропов стихи писал? Нет, это «Возмездие», Блок.

Ксения с Рухшоной сидят на нарах, как будто отправились на поезде в путешествие.

КСЕНИЯ. Ну что ты молчишь? Рассказывай. После университета — что?

РУХШОНА. Кое-как я вернулась в Таджикистан, там война.

КСЕНИЯ. Опасно...

РУХШОНА. Я не боялась. Ничего никогда. Стала арабский учить, с людьми познакомилась. Но только никто почти не живет по закону. Племенное, обычное право, адат, закон человеческий, ставится выше, чем шариат, чем закон божественный! Надо жить по предписанному, не по традиции, греховное и преступное — это одно!

КСЕНИЯ. Ты сказала им?

РУХШОНА. Кто станет слушать женщину? Да и война... Война освобождает от закона. Экономическую миграцию я презираю, но когда твоей матери нечего есть, это уже не экономическая миграция... Так что — Москва, снова Москва... На главной библиотеке страны — огромная шоколадка. Съешь ее — и порядок! В семьях жила — десять лет. Десять лет я чего-то ждала. С покорностью ждала. Вера моя переводится как «покорность».

КСЕНИЯ. А сюда приехала — с дачниками? У нас тут красиво...

РУХШОНА. Красиво. Увидела небо, застывшую реку. Узнала, что маму забрал к себе брат, что возвращаться мне теперь некуда, да и незачем... И вдруг поняла, что жизнь... Жизнь — простая и строгая вещь. И все наворачивания на нее — литература, искусство, музыка — совершенно излишни. В них есть... доля правды, но сама правда называется коротко...

КСЕНИЯ. Как, как она называется?

РУХШОНА (*почти неслышно*). Ислам.

КСЕНИЯ (*как эхо*). Ислам... А трудно этой быть?..

РУХШОНА. ...Мусульманкой? Трудно. Но выполнимо. Не невозможно. Молитва пять раз в день, месяц в году пост...

КСЕНИЯ. Всего месяц!

РУХШОНА. ...Милостыня, небольшая, сороковая часть. И единожды в жизни — хадж, паломничество, если возможность есть. А большего и не требуется. Имений не раздавать, щек не подставлять. Поклоняться Всевышнему, любить Его.

КСЕНИЯ. А соседа любить?

РУХШОНА. Пожалуйста. Если любитя. Пророк говорит — добровольно.

КСЕНИЯ. А если сосед твой — враг?

РУХШОНА. А врагов любить совершенно незачем. Кто любит врагов? Никто. Врагов любить противоестественно. Ислам запрещает противоестественное.

КСЕНИЯ (*чуть игриво*). И как же стать... мусульманкой? (*Испугавшись*.) Вообще, как становятся мусульманами?

РУХШОНА. При двух свидетелях произнести: «Нет бога, кроме Бога, и Мухаммед — пророк Его». Это символ веры наш, шахада́. (*Читает нараспев*.) Ля иляха илля ллах...

КСЕНИЯ. Необычно, красиво как!.. (*Встает, направляется к двери*.)

РУХШОНА. Ты куда? За свидетелем? Стой! Прежде вытрезвись! С этой минуты не пить. И свинины не есть. Мерзость.

КСЕНИЯ. Не буду. И из меню уберу.

РУХШОНА. Работникам плати.

КСЕНИЯ. Да, правда, стыд. Еще что?

РУХШОНА. Еще... (*Задумывается*.) Еще, Ксения, у тебя сила, власть! Власть... Она не дается случайно, запросто. Кто возьмет себе власть и удержит, тот выделен Им, тот отмечен. Политика, жизнь и вера должны быть одно. Действовать надо самой! Не через этих, фантиков! Власть взять — всю!

КСЕНИЯ. Я уже думала. Знаешь, я бы потянула. Но у нас ведь как полагается? Кого люди выберут...

РУХШОНА. Опять местное самоуправление? Людми должен править Он, Ксения, — через тебя!

КСЕНИЯ. А что? Я для города много могу сделать хорошего! Мечети у нас вон нет.

РУХШОНА. Мечеть — не главное, я бы не начинала с мечети.

КСЕНИЯ. Это почему это? Тут уж я лучше понимаю, Роксаночка. Конечно, построим мечеть, в самом центре. Люди будут ходить, у нас много черных. Есть земля под мечеть, есть план. Плана нет пока, сделаем. И тебе будет, где помолиться, когда выпустят. *(Вдруг останавливается.)* Ой, когда выпустят... Ты вернешься? Всё, всё зависит, понимаешь? Ну, скажи! Заживешь у меня — хозяйкой. Зачем мне одной такой дом?

РУХШОНА. Куда я вернусь?.. Да чем бы ни кончилось, выдворят.

КСЕНИЯ. Нет, нет, я удочерю тебя, деточка, доченька!

РУХШОНА. Совершеннолетнюю? При живой матери? Вздор!

КСЕНИЯ. Будет адвокат, самый-рассамый! Ты только вернись! И получишь всё! А то, как же ты жить-то будешь, Роксаночка?

РУХШОНА. Буду... Буду несчастных женщин в Единобожие обращать. Там, где окажусь скоро. *(Внезапно прозревает и как будто не замечая Ксению.)* Вот зачем это все... Женщин преступных, грешных к истине поворачивать. Я уже вижу: колонны заблудившихся, грешных русских женщин, не обязательно русских — всяких, в одинаковых синих ватниках, серых платках. Я сообщу им правду, укажу путь. *(Ксении.)* Так, не нужен мне самый-рассамый, давай по проще. А можно и без него. Не траться на адвоката, Ксения.

КСЕНИЯ. Почему ты так хочешь?

РУХШОНА. Не я так хочу. Потом поймешь. Или не поймешь. А теперь я устала. Иди.

Ксения прижимает Рухшону к себе, обнимает, держит.

КСЕНИЯ. Не оторваться. Скажи что-нибудь.

РУХШОНА *(наконец освободившись от объятий Ксении)*. Аллах милостив. Увидимся еще. Аллах милостив. Он милостив ко всем на свете, но только к верующим в День Суда. *(Ведет Ксению к выходу, наносит два сильных удара в дверь.)* Иди. Иди!

сцена двенадцатая НОЖНИЦЫ

Ксения возвращается в пельменную.

КСЕНИЯ. «Он милостив ко всем на свете и только к верующим в День Суда». День суда... Как хорошо! Никто тебя никуда не выдворит, девочка моя, доченька. Ты будешь со мной. Адвокатов найдем стоящих. Все образуется — в

области тоже люди. От уродов от здешних избавимся. Возьмем в руки город. Эти люди... теперь я знаю: эти люди — они мне вверены. Я знаю — Кем вверены и зачем. Заживем по закону, по правде! Ох, заживем! Работать будем! Все вместе! С детства, с шестнадцати, нет! — с тринадцати лет! Интеллигентов, попов, слабаков всяких, хлюпиков — к чертовой матери! И заживем! Пить? Пить не будем! Ни капли! *(На мгновение задумывается.)* Разве что только по праздникам! По большим, настоящим, великим праздникам!

Осторожно ступая, входит Пахомова, заведующая пельменной.

ПАХОМОВА. Ксения Николаевна, все хорошо?

КСЕНИЯ *(спокойно и тепло, как никогда прежде)*. Да, хорошо.

ПАХОМОВА. А то: пришли — и тихо. С наступившим вас, Ксения Николаевна!

КСЕНИЯ. Все хорошо. Просто... тяжелый день.

сцена тринадцатая БУМАГА

Учитель бродит по городу, останавливается у парикмахерской, видит бывшую ученицу.

ПАРИКМАХЕРША. Сергей Сергеич! Сергей Сергеевич! Заходите!

УЧИТЕЛЬ. А что? Я давно не стригся. *(Заходит, садится в кресло.)*

ПАРИКМАХЕРША. А ведь вы меня не узнаете, Сергей Сергеевич! *(Стрижет его.)*

УЧИТЕЛЬ. Ну как же, ну что вы! Ты что!

ПАРИКМАХЕРША. Помните, вы мне сочинение писали, с Верочкой? Бедная Верочка... Учебу я бросила — двое детей! Вот! *(Хочет показать фотографии в сотовом телефоне, но останавливается.)* Вы ведь не любите фотографии! Да, да, фотографии не любите и анекдоты.

УЧИТЕЛЬ. Анекдоты, правда, не люблю.

ПАРИКМАХЕРША. Еще — сны.

УЧИТЕЛЬ. Девочкам только позволь сны рассказывать. Как ты все помнишь!

ПАРИКМАХЕРША. А вы забыли, забыли!

УЧИТЕЛЬ. А... *(Хочет спросить про мужа.)*

ПАРИКМАХЕРША. А Димку Чубкина вы не помните? Это мой одноклассник, теперь я Чубкина! Неужели вы всё-всё забыли?

УЧИТЕЛЬ. Скажи, а ты хорошо помнишь Верочку?

ПАРИКМАХЕРША. Сергей Сергеевич, ну как же я могла ее забыть? Мы ведь завидовали Верочке, ревновали к ней, то есть к вам... вас...

УЧИТЕЛЬ. Ее ко мне? Меня к ней?

ПАРИКМАХЕРША. Все равно, мы потом перестали. В ней было столько много всего! Мы... ну, не знаю. Она просто была — другая.

УЧИТЕЛЬ. Другая?!

ПАРИКМАХЕРША. Что с вами, Сергей Сергеич? Ну да, особенная такая вся, не отсюда.

УЧИТЕЛЬ. Особенная...

ПАРИКМАХЕРША. Вот просто счастье, что была Верочка. Вот. Всё. Простите.

УЧИТЕЛЬ. Не отсюда. Да, точно...

ПАРИКМАХЕРША. Мы в годовщину, девочки — кто в городе остался — ходили к ней. Ой, там такой некрасивый памятник!

УЧИТЕЛЬ. Да, неудачный.

ПАРИКМАХЕРША. Но мы, знаете, к реке спустились, и, как когда-то, стали читать.

УЧИТЕЛЬ. Что читали?

ПАРИКМАХЕРША. Всякое разное. «Когда ты болен и забит...» Вот это.

УЧИТЕЛЬ. «Когда ты загнан и забит / Людьми, заботой, иль тоскою; / Когда под гробовой доскою / Всё, что тебя пленяло, спит...»

ПАРИКМАХЕРША (*попадая в интонацию*). «Когда по городской пустыне, / Отчаявшийся и больной, / Ты возвращаешься домой...» (*Пробует вспомнить.*) «Ты возвращаешься домой, / И серебрит...»

УЧИТЕЛЬ. «И тяжелит...»

ПАРИКМАХЕРША. «...ресницы иней, / Тогда — остановись на миг / Послушать тишину ночную, / Постигнешь слухом жизнь иную, / Которой днем ты не постиг». (*Опять забывает.*) «Узоры на стекле фонарном, / Мороз, оледенивший кровь, / Твоя холодная любовь...» Сергей Сергеевич, вы говорили, так рифмовать нельзя: «кровь» — «любовь».

УЧИТЕЛЬ. Видишь, ошибался. «Всё вспыхнет в сердце благодарном, / Ты всё благословишь тогда, / Поняв, что жизнь — безмерно боле, / Чем quantum satis Бранда воли...»

ПАРИКМАХЕРША. «А мир — прекрасен, как всегда».

УЧИТЕЛЬ. Мир не ломается. Что ни случись. Грустно, да? (*Собирается уходить.*)

ПАРИКМАХЕРША. Спасибо вам, Сергей Сергеевич, что зашли! И вообще, спасибо. Знаете, ваши литературные четверги — лучшее, что у нас было в жизни.

УЧИТЕЛЬ (*уже один*). Quantum satis — это из Ибсена: полной мерой. Значит, Блоку казалось невозможным, чтобы грамотный человек не читал «Бранда», а я вот, учитель литературы — и не читал. Что я вообще знаю из Ибсена? Что юность — это возмездие? Кому? Родителям? А, может быть, нам самим?

Пора сообразить, в чем моя вера, отчего я бываю неправдоподобно, дико счастлив. Отчего иногда просыпаюсь с особенным чувством, как в детстве, что вот это все и есть рай? Подо мной земля, надо мной небо, и вровень со мной, в

мою меру — река, деревья, резные наличники на окнах, весенняя распутица, крик домашней птицы — и тут же — Лермонтов, Блок. Верю ли я, наконец, в Бога?

Основное препятствие между Ним и мной — Верочка. Верочкина гибель не была необходима, смерти вообще не должно существовать. Сосредоточиться на вечной жизни? А нужна ли мне вечная жизнь, если в ней я не встречу Верочку? Одни вопросы...

Есть и ответы. Я верю, что из правильно поставленной запятой произойдет для моих ребят много хорошего: как именно, не спрашивайте — не отвечу, но из этих подробностей — из слитно-раздельно, из геометрии, из материков и проливов, дат суворовских походов, из любви к Шопену и Блоку — вырастает деятельная, гармоничная жизнь.

И, наконец, я свободен. «Радуйтесь в простоте сердца, доверчиво и мудро», — говорю я детям и себе. Не сам придумал, но повторяю столь часто, что сделал своим. Таким же своим, как сонных детей в классе, как русскую литературу, как весь Божий мир.

Пауза.

Верочка, не молчи!..

конец